

Гдѣ бѣ съ другомъ честнымъ я могъ, по моему
 Выбраннымъ, въ лишни часы прогнать скуку
 Гдѣ бѣ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
 Провождаю межъ мертвыми греки и латины,
 Излѣдую всѣхъ вещей дѣйства и причины,
 И, учась, знать образомъ другихъ, что по-
 лезно,
 Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно
 иль любезно:
 То одно желаніе мои составляетъ.

Съ 1740 года здоровье Кантемира начало совершенно разстроиваться. Вотъ что говоритъ объ этомъ книжица Беера: «Князь Антиохъ подверженъ былъ человѣческимъ слабостямъ, какъ и другіе люди. Онъ чувствовалъ то самъ, яко человѣкъ, и имѣлъ несчастіе искуситься въ скорби, свойственной человѣческому роду. Съ 1740 года почувствовалъ онъ внутреннюю болѣзнь, которая отъ часу умножалась. И хотя онъ въ пищѣ весьма былъ воздержанъ, однако желудокъ его почти ничего уже варить не могъ.» Въ 1741 году онъ ѣздилъ на ахепскія воды, отъ которыхъ и получилъ облегченіе, равно какъ и отъ лѣкарства какой-то дѣвицы Стефенсъ, которое онъ употреблялъ по совѣту же Жандрона. Въ 1743 году онъ пользовался пломбьерскими водами, которыя однако не помогли ему. По возвращеніи въ Парижъ онъ отдался на руки разнымъ врачамъ, которые совсѣмъ залѣчили его. Въ это время онъ страдалъ крайнимъ ослабленіемъ желудка, рвѣзью въ почкахъ и бессонницей. Потомъ онъ схватилъ лихорадку, довольно, впрочемъ, легкую, и у него открылся кашель. По совѣту одного изъ друзей своихъ, который, вопреки мнѣнію докторовъ, смотрѣлъ серьезно на эти припадки, Кантемиръ рѣшился провести зиму въ Неаполѣ. Но, когда онъ получилъ на это разрѣшеніе отъ своего двора, было уже поздно: усилившаяся болѣзнь и дурное время года не позволили ему тронуться съ мѣста. Полгода страдалъ онъ болѣзнью въ груди, не переставая чтеніемъ прогонять скуку бессонницы. На увѣщанія, что онъ этимъ вредитъ себѣ, онъ обыкновенно отвѣчалъ, что «тогда только не чувствуетъ болѣзни, когда трудится.» Охоту къ чтенію онъ потерялъ только за три или за четыре дня до своей смерти, и это-то обстоятельство открыло ему опасность его положенія. Одинъ изъ друзей его, читая съ нимъ разсужденіе Цицерона «о дружбѣ», во имя налагаемаго этимъ чувствомъ долга, заговорилъ съ нимъ прямо о его положеніи и посовѣтовалъ заняться послѣдними распоряженіями. Кантемиръ съ благодарностью принявъ этотъ совѣтъ, какъ доказательство истинной дружбы, и не медля приступилъ къ составленію духовной, въ которой, отказавъ все свое имѣніе братьямъ и сестрамъ,

завѣщалъ, чтобъ тѣло его, по вскрытіи, было набальзамировано, отвезено въ Россію и похоронено, безъ всякой церемоніи, въ греческомъ монастырѣ, въ Москвѣ, гдѣ схинонены были его родители. До самой минуты своей смерти онъ былъ въ полномъ разумѣ. Умеръ онъ 1744 г., марта 31, тридцати пяти лѣтъ и семи мѣсяцевъ отъ роду. По вскрытіи тѣла оказалось, что у него была водяная въ груди.

О личномъ характерѣ Кантемира извѣстно только, что онъ былъ человѣкъ благородный, правдивый и кроткій. Сначала онъ казался непривѣтливомъ, но эта непривѣтливость постепенно исчезала въ отношеніи къ людямъ, которые ему болѣе и болѣе нравились. Слабое и болѣзненное его тѣло-сложеніе придавало его характеру меланхолическій оттѣнокъ, что однако жъ не мѣшало ему быть и любезнымъ, и веселымъ въ обществѣ людей, которые ему нравились, и съ которыми онъ могъ быть откровененъ. Въ частной жизни онъ былъ экономенъ и, какъ говоритъ книжица Беера, изъ которой мы заимствовали эти подробности: «никогда не признавалъ, что долги были знакомъ благородства и высокаго достоинства.» Вотъ все, что дошло до потомства о Кантемирѣ, какъ о человѣкѣ; въ его сатирахъ мы увидимъ его, какъ поэта, и вновь встрѣчимся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ.

Въ 1739 году написалъ Кантемиръ свою первую сатиру, слѣдовательно, ровно за десять лѣтъ до первой оды Ломоносова («На взятіе Хотина»), написанной новымъ размѣромъ. Это едва ли не лучшая изъ всѣхъ сатиръ Кантемира. Она была направлена противъ обскурантовъ (людей, одержимыхъ болѣзнью мракобѣсія), враговъ просвѣщенія, словомъ, славянофиловъ того времени. Въ ней, какъ и во всѣхъ сатирахъ Кантемира, нѣтъ ни желчнаго негодованія, ни бурнаго пафоса; но въ ней много ума, много комической соли и есть одушевленіе, тихое, ровное, но постепенно выдерживаемое. Кантемиръ не бичуетъ, а только съичетъ обскурантовъ. Оно и естественно; сатира страстная, грозная, бѣшеная; вооруженная свитымъ изъ змѣй бичомъ, сатира въ образѣ Немезиды, бросающей молніи изъ очей, съ пѣной у рта, такая сатира возможна только или у народа, который уже пережилъ самого себя, для котораго уже нѣтъ ни выхода, ни будущаго, или у народа, который еще полонъ свѣжихъ силъ жизни, но уже созналъ причины, которыя удерживаютъ его стремленіе на пути дальнѣйшаго развитія. Ни то, ни другое положеніе не могло относиться къ Россіи временъ Кантемира. Прогрессъ, который тогда для нея былъ возможенъ, весь заключался больше въ формѣ, нежели въ духѣ, слѣ-